Для цитирования: Кирчанов М. В. Политизация интеллектуалов в ранних постсоветских обществах (грузино-кавказские параллели) // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 19—29. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-19-29.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-19-29

УДК 323.396 + 329.17

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В РАННИХ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ (ГРУЗИНО-КАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

Кирчанов Максим Валерьевич,
Воронежский государственный университет,
факультет международных отношений,
доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран,
доктор исторических наук.
Российская Федерация, 394018,
г. Воронеж, Университетская площадь, 1
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация

Введение. Автор анализирует феномен политизации интеллектуалов в ранних постсоветских обществах Грузии, Армении, Абхазии и Азербайджана. Предполагается, что в советский период гуманитарии обслуживали политический режим, идеологически и культурно его легитимируя.
Цель. Распад СССР привел к либерализации общества, содействуя политизации интеллектуальных сообществ. Поэтому целью автора является анализ двух уровней политизации интеллектуалов, включая «ответственность» и «предательство».
Методы. Методологически статья основана на принципах изучения интеллектуальных сообществ, предложенных Полом Барана и Эдвардом Саидом, которые могут быть трансплантированы в контексты ранней постсоветской истории Закавказья.
Научная новизна исследования. Представлена новая интерпретация роли интеллектуалов, основанная на анализе оригинальных источников на грузинском языке.
Результаты. Показано, что: 1) лидеры Армении и Абхазии в советский период были лояльными интеллектуалами, которые делали академическую карьеру; 2) будущие лидеры Азербайджана и Грузии тоже были университетскими интеллектуалами, но с политическими амбициями; 3) властвующие интеллектуалы не смогли стать эффективными менеджерами, предпочитая использовать язык национализма; 4) история ранних постсоветских элит актуализирует проблемы ответственности и предательства интеллектуалов, потому что их правление хронологически совпало с политическим и экономическим кризисом, а также этническими конфликтами.
Выводы. Показано, что политизация интеллектуальных сообществ привела к негативным результатам, содействуя маргинализации гуманитарных интеллектуалов в современных обществах потребления.

Ключевые понятия:
интеллектуалы,
интеллектуальные сообщества,
Закавказье,
элита,
национализм,
предательство интеллектуалов,
ответственность интеллектуалов,
правящие интеллектуалы.

Формулировка проблемы

Интеллектуалы играют особую роль в жизни большинства современных обществ. Вклад и роль интеллектуалов в процессы модернизации и трансформации традиционных групп в современные общества не вызывает сомнения в историографии [5; 12]. Кроме этого, в научной литературе показана значительная роль интеллектуалов в развитии правого [4; 9; 11] и левого [1] дискурса, а также национализма как совокупности культурных и социальных практик воображения сообществ [2] и изобретения традиций [20]. Эти противоречивые роли интеллектуалов неоднократно становились предметом не только собственной интеллектуальных, культурных, но и политических и идеологических дебатов и дискуссий. В целом следует признать, что тема участия интеллектуалов в общественной жизни принадлежит к числу идеологически мотивированных и политизированных. В этой ситуации дефиниции «ответственность интеллектуалов» или «предательство интеллектуалов» успели стать не только общими местами историографии, но и изобретенными историографическими традициями.

Цель и география статьи

Российский историк А. Чубарьян полагает, что «гуманитарии составляют основной процент власти»[1]. Поэтому в центре авторского внимания в этой статье будут проблемы интеллектуальной вовлеченности в политические процессы в 1990-е гг. в национализирующихся обществах Закавказья в контекстах «ответственности интеллектуалов» и «предательства интеллектуалов». Географические рамки ограничены Грузией, Арменией, Азербайджаном и Абхазией как странами, которые в ранний постсоветский период пережили приход интеллектуалов в политику, что стимулировало дискуссии о роли и месте последних в обществе, их политической и культурной ответственности и/или безответственности.

Методология

Методологически и теоретически эта статья восходит к принципам изучения роли и места интеллектуальных сообществ, предложенных в текстах западных интеллектуалов, включая Пола Барана [3] и Эдварда Саида [18], которые, как полагает автор, могут быть трансплантированы в контексты ранней постсоветской истории Закавказья. Суммируя теоретические идеи авторов, основные особенности места интеллектуалов в обществе мы можем сформулировать следующим образом.

Согласно П. Барану, в современном капиталистическом обществе интеллектуал обслуживает существующую систему, критикуя ее крайне ограниченно и только в рамках своих узких корпоративных компетенций; большинство усилий интеллектуалов сосредоточены на легитимации сложившейся системы и наделение ее рациональными смыслами; между идеями интеллектуалов как идеальными конструкциями и реальностью существует конфликт, который они не в состоянии решить, но могут только рефлексировать относительно последнего; тем не менее одна из основных ролей и функций интеллектуала сводится к социальной и культурной критике исторически сложившихся отношений и институтов, хотя степень восприятия этой критики обществом и элитами может быть различной; интеллектуалы могут становится как сторонниками, так и жертвами политического режима — поэтому они несут ответственность как за выбор собственной роли (критик режима / сторонник режима), так и за сохранение традиций гуманизма и прав человека или их подмену другими альтернативными ценностями.

Что касается Э. Саида, то, комментируя роль интеллектуалов, он указывал на несколько факторов: современный мир подвергнут значительной идеологизации, а интеллектуалы становятся участниками этого политического противостояния; в ряде случаев интеллектуалы предпочитают оставаться «молчаливым большинством», избегая прямого осуждения действий политических элит; интеллектуалы способны ставить неудобные вопросы, но фактически не в состоянии что-либо изменить; интеллектуалы могут заблуждаться, поддерживая «неправильный» (недемократический, склонный к идеологически, религиозно или этнически мотивированному насилию) политический режим; интеллектуальные группы не являются стабильными, а их коллективная социальная и культурная память подвержена амнезии и склонна вытеснять и маргинализировать политически неприятные моменты; интеллектуалы должны оставаться ответственными гражданами, будучи способными сопротивляться своему государству, если оно отступает от ценностей гуманизма;

[1] Новоселова Е. Древний грек в отставке. Академик Александр Чубарьян. Почему гуманитарии сегодня не в цене // Российская газета. 2012. № 202 (5875). URL.: https://rg.ru/2012/09/04/grek.html.

современные интеллектуалы «слабы» и поэтому они охотно обслуживают те или иные идеологические дискурсы нации, класса или другой группы, что фактически может быть определено как «интеллектуальное предательство» и «моральное банкротство».

Историография

Если проблемам роли интеллектуалов в странах Запада посвящена значительная литература, то вопросы интеллектуальной истории и культурной/социальной/политической ответственности интеллектуалов в странах Закавказья изучены в гораздо меньшей степени в сравнении с национальной историей этих стран. Проблемы интеллектуальной истории Грузии, Армении, Азербайджана и Абхазии, как правило, пребывают в тени истории национализмов в регионе [10; 13; 16; 17; 19], что придает дополнительную актуальность изучению проблем ответственности интеллектуалов или предательства интеллектуалов.

Ранние постсоветские интеллектуалы как политики: предварительные ориентации

Ранняя постсоветская история четырех стран — Грузии, Армении, Азербайджана и Абхазии — была отмечена тем, что власть получили новые политики, которые в советский период принадлежали к соответствующим национальным интеллигенциям [7; 8; 14; 15]. Левон Тер-Петросян (Լեւոն Տեր-Պետրոսյան), первый постсоветский лидер Армении, Звиад Гамсахурдиа (ზვიად გამსახურდია), первый президент Грузии, Абульфаз Эльчибей (Əbülfəz Elçibəy), президент Азербайджана, и Владислав Ардзинба (Владислав Арӡынба), лидер Абхазии, — все они в советский период занимались научной деятельностью, достигнув определенных результатов в филологии или истории.

Несмотря на различные траектории индивидуальных и политических биографий, личный опыт этих интеллектуалов может быть в определенной степени обобщен и систематизирован. Они могли принадлежать к довоенному или первому послевоенному поколению: Абульфаз Эльчибей и Звиад Гамсахурдиа родились соответственно в 1938 и 1939 гг., Левон Тер-Петросян и Владислав Ардзинба родились в 1945 г. В настоящее время из первых четырех постсоветских президентов жив только Левон Тер-Петросян — бывший лидер Армении. Трое из первых постсоветских лидеров уже мертвы: Звиад Гамсахурдиа погиб в 1993 г., Абульфаз Эльчибей умер в 2000 г., а Владислав Ардзинба — в 2010 г. Примечательно, что двое бывших лидеров умерли за пределами своих стран: Абульфаз Эльчибей — в Анкаре, а Владислав Ардзинба — в Москве. Кроме этого, двое постсоветских лидеров — Абульфаз Эльчибей и Звиад Гамсахурдиа — были свергнуты и отстранены от власти своими политическими противниками.

Из гуманитариев в политики: предательство или пришествие интеллектуалов?

Первые постсоветские лидеры Закавказья до начала активной политической деятельностью принадлежали к гуманитарному интеллектуальному сообществу, хотя их статусы в его рамках были различны: Левон Тер-Петросян с 1978 г. работал в Институте древних рукописей Матенадаран имени Месропа Маштоца при Совете министров Армянской ССР на различных должностях; Звиад Гамсахурдиа[1] являлся сотрудником Института грузинской литературы им. Руставели АН Грузии; Абульфаз Эльчибей работал в Институте рукописей Академии наук Азербайджана; а формально наибольших административных результатов достиг Владислав Ардзинба, который в 1988 г. возглавил Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. Гулиа. Владислав Ардзинба и Абульфаз Эльчибей были историками, соответственно доктором и кандидатом исторических наука, а Звиад Гамсахурдиа и Левон Тер-Петросян еще в советский период стали докторами филологических наук.

Политизация интеллектуалов в ранних транзитных обществах фактически была неизбежным процессом. Комментируя особенности политизации интеллектуальных сообществ, Мишель Фуко подчеркивал, что «политизация интеллектуала традиционно основывалась на двух вещах: положении интеллектуала в буржуазном обществе, в капиталистической производственной системе, в идеологии, которую он создал или которой

[1] გამსახურდია ზ. XX საუკუნის ამერიკული პოეზია. თბილისი: «განათლება», 1972 (Гамсахурдиа З. Американская поэзия XX века. Тбилиси : Ганатлеба, 1972. На груз. языке); გამსახურდია ზ. «ვეფხისტყაოსანი» ინგლისურ ენაზე. თბილისი: «მეცნიერება», 1984 (Гамсахурдиа З. «Витязь в тигровой шкуре» на английском языке. Тбилиси : Мецниэрэба, 1984. На груз. языке); გამსახურდია ზ. «ვეფხისტყაოსნის,» სახისმეტყველება. თბილისი: «მეცნიერება», 1991 (Гамсахурдиа З. Голоса «Витязя в тигровой шкуре». Тбилиси : Мецниэрэба, 1991. На груз. языке).

придерживался, а также его собственном дискурсе как проявлении некой истины, которая видела политические связи там, где их невозможно было разглядеть. Эти две формы политизации не были чужды друг другу, но и их совпадение не было необходимо»[1]. Вероятно, именно роль интеллектуала в советском обществе стала стимулом для их активной политизации в ранний постсоветский период, а склонность к использованию национализма неизбежно вытекала из тех идеологических поисков, которыми до 1991 г. добровольно или вынуждено были заниматься советские интеллигенты.

Двое из трех первых постсоветских лидеров имели сложные отношения с советской властью: Звиад Гамсахурдиа с середины 1970-х гг. сотрудничал с московскими диссидентами, публиковался в самиздате, с 1977 г. был среди инициаторов создания Грузинской Хельсинкской группы, что привело к его аресту и осуждению в 1978 г., хотя он вскоре был освобождён, сосредоточившись преимущественно на научной и литературной деятельности; Абульфаз Эльчибей в первой половине 1970-х примкнул к национальному движению, что привело к его аресту в 1975 и осуждению в 1976 г., хотя уже в 1977 г. он был освобожден и, как З. Гамсахурдиа, сосредоточился на научной и преподавательской деятельности. Все четыре лидера, Левон Тер-Петросян, Звиад Гамсахурдиа, Абульфаз Эльчибей и Владислав Ардзинба, пришли к власти в результате внутреннего политического кризиса, который привёл к распаду СССР, что не могло не отразиться на их идеологических принципах, при помощи которых они проводили как внутреннюю, так и внешнюю политику.

Национализм как универсальный язык национального советского гуманитария: ответственность интеллектуалов

После прихода к власти в результате кризиса старых политических элит, дискредитации коммунистической идеологии и роста межнациональных противоречий было естественным то, что основным политическим языком этих некогда советских интеллектуалов стал этнический национализм. Национализация ранних постсоветских режимов, с одной стороны, была неизбежна, став следствием особенностей функционирования советской модели развития, которая институционализировала в среде национальных интеллигенций элементы утопического сознания[2], фактически обрекая первое поколение постсоветских политиков на попытки воплотить националистический идеал как путь к строительству национального государства как формы национальной утопии. С другой стороны, те же грузинские интеллектуалы в первой половине 2010-х гг. попытались преодолеть проблемы травмированной исторической и политической памяти, признав, что «классическим примером оккупационного государства было правление Звиада Гамсахурдиа, когда страной фактически правили на постоянных митингах, мобилизуя население против враждебных и злых сил. Тогдашняя парламентская оппозиция, в которой было не более двух десятков членов, должна была одолеть агрессивную толпу перед зданием, чтобы войти в парламент»[3].

Политика каждого из первых постсоветских лидеров в большей или меньшей степени носила националистический характер, что спустя почти три десятилетия вынудило постсоветские общества столкнуться со значительными трудностями осмысления коллективных культурно-исторических травм[4], собственного исторического опыта радикального политического транзита в условиях возрождения национализма, который из осуждаемого по идеологическим причинам

[1] ინტელექტუალები და ძალაუფლება. დიალოგი მიშელ ფუკოსა და ჟილ დელიოზს შორის // არილი. 2009 წლის 2 აგვისტო. URL: http://arilimag.ge/int'elekt'ualebi-da-dzalaup (Интеллигенция и власть. Диалог между Мишелем Фуко и Жилем Делезом // Ариэль. 2009. 2 авг. URL: http://arilimag.ge/int'elekt'ualebi-da-dzalaup. На груз. языке).

[2] ნადირაძე რ. უტოპია აბსტრაქტულიდან კონკრეტულამდე?! // რადიო თავისუფლება. 2015. იანვარი 25. URL.: https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-rusudan-nadiradze-utopia/26816274.html (Надирадзе Р. Утопия: от абстрактного к конкретному?! // Радио Свобода. 2015. 25 янв. URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-rusudan-nadiradze-utopia/26816274.html. На груз. языке).

[3] მაისურაძე გ. ბილატერალური ოხლოკრატია // რადიო თავისუფლება. 2013. თებერვალი 12. URL.: https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-giorgi-maisuradze/24900249.html (Майсурадзе Г. Двусторонняя охлократия // Радио Свобода. 2013. 12 февр. URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-giorgi-maisuradze/24900249.html. На груз. языке).

4 სარჯველაძე მ. ევროპული ამნეზია და ჰომო სოვიეტიკუსი // რადიო თავისუფლება. 2015. მარტი 25. URL.: https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-mikheil-sarjveladze-evropuli-amnezia/26920303.html (Сарвеладзе М. Европейская амнезия и Homo Sovieticus // Радио Свобода. 2015. 25 марта. URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-mikheil-sarjveladze-evropuli-amnezia/26920303.html. На груз. языке).

явления в советский период быстро мутировал в норму политической культуры. Ситуация осложнялась тем, что эти политики предпочитали говорить не только на языке национализма, но стремились следовать принципам этнического национализма. Кроме этого, некоторые из первого поколения лидеров периода независимости в советский период подвергались идеологически и политически мотивированным преследованиям. В этой ситуации их политика была направлена на десоветизацию и демонтаж советского наследия, что фактически стало формой институционализации национализма в качестве консолидирующей идеологии.

Наиболее последовательными националистами во внутренней политике оказались Звиад Гамсахурдиа, Абульфаз Эльчибей и Владислав Ардзинба. Звиад Гамсахурдиа сочетал принципы национализма с попытками десоветизации: Грузинская ССР была переименована в Республику Грузия, кроме того, была восстановлена государственная символика периода Грузинской Демократической Республики, а также были упразднены автономии на территории Абхазии и Южной Осетии, что привело к военному конфликту в этих регионах. Абульфаз Эльчибей, который после прихода к власти демонстративно отказался от использования русского языка, общаясь с российскими политиками и журналистами через переводчика, пытался соединить идей азербайджанского антисоветского национализма, азербайджанского национализма периода АДР, пантюркизм и прозападные симпатии, также выступал за радикальную десоветизацию фактически советского Азербайджана, полагая, что национализм может стать важным фактором в расставании страны с советским наследием. Левон Тер-Петросян проводил десоветизацию не столь активно, но был вынужден использовать ресурс армянского национализма, так как страна фактически была втянута в военный конфликт с Азербайджаном на территории Нагорного Карабаха.

Несостоявшиеся модернизации: (без)ответственность интеллектуалов

Активное использование национализма первым поколением постсоветских политиков привело к различным результатам, определяемым некоторыми авторами как ситуация экзистенциального кризиса между «присутствием» и «отсутствием», которые проявляются в том, что «социальные раны»[1], наряду со значительной степенью разобщенности и фрагментированности[2], стали факторами, определяющими основные векторы развития как общества, так и его идентичности. Поэтому кризисные тенденции, а также переход от «старой» политике к «новой»[3] в постсоветских реалиях оказался чрезвычайно продолжительным.

Наиболее последовательным сторонником национализации режима оказался абхазский лидер Владислав Ардзинба, который фактически инициировал построение моноэтнического государства, что привело к этническим чисткам, направленных преимущественно против грузинского населения. Анализируя деятельность лидеров первого поколения постсоветских лидеров Закавказья, во внимание следует принимать и результаты их пребывания у власти: фактически три из четырех к моменту принудительно отстранения от власти (Грузия и Азербайджан) или смерти лидера (Абхазия) представляли собой несостоявшиеся государства: новые политические институты были слабы, советское политические институциональное наследие активно демонтировалось, экономика пребывала в состоянии кризиса, ставшего следствием перехода от административной экономической системе к рыночной.

Относительно стабильной ситуация оставалась в Армении, но и эта стабильность оказалась следствием лояльности ее элит в отношении России. Проблемы,

[1] კახაძე თ. ყოფნასა და არყოფნას შორის // რადიო თავისუფლება. 2020. იანვარი 22. URL.: https://www.radiotavisupleba.ge/a/q'opnasa-da-arq'opnas-shoris/30389962.html (Кахадзе Т. Между присутствием и отсутствием // Радио Свобода. 2020. 22 янв. URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/q'opnasa-da-arq'opnas-shoris/30389962.html. На груз. языке)

2 გაღორებულ საზოგადოებად ვიქეცით // რადიო თავისუფლება. 2020. იანვარი 16. URL.: https://www.radiotavisupleba.ge/a/aghorebul-sazogadoebad-vart-ktseuli---int'erviu-rezhisor-giga-lik'lik'adzestan-p'remieris-ts'in-/30381474.html (Давайте станем разнообразным обществом // Радио Свобода. 2020. 16 янв. URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/aghorebul-sazogadoebad-vart-ktseuli---int'erviu-rezhisor-giga-lik'lik'adzestan-p'remieris-ts'in-/30381474.html. На груз. языке)

3 აბულაძე რ. საქართველოში ძველი პოლიტიკიდან ახალ პოლიტიკაზე გადასვლის კრიზისია // რადიო თავისუფლება. 2019. სექტემბერი 15. URL.: https://www.radiotavisupleba.ge/a/sakartveloshi-dzveli-p'olit'ik'idan-akhal-p'olit'ik'aze-gadasvlisk'rizisia/30165514.html (Абуладзе Р. Кризис перехода от старой политики к новой политике в Грузии // Радио Свобода. 2019. 15 сент. URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/sakartveloshi-dzveli-p'olit'ik'idan-akhal-p'olit'ik'aze-gadasvlisk'rizisia/30165514.html. На груз. языке).

с которыми столкнулись Грузия и Азербайджан к моменту отстранения от власти Звиада Гамсахурдиа и Абульфаза Эльчибея, вполне сопоставимы: и Гейдар Алиев, и Эдуард Шеварднадзе получили страны со в значительной степени близкими и одинаково негативными стартовыми условиями, что и предопределило дальнейшие тенденции консервации системы в направлении авторитарного режима с институтами, имитирующими демократию, хотя после «Революции роз» 2003 г. параллели в развитии этих стран не столь очевидны, как в 1990-е гг.

Наиболее сложной оказалась ситуация в Абхазии (где первым постсоветским лидером также был интеллектуал-гуманитарий, который в негласной советской табели о рангах стоял выше своих коллег, получивших власть в Армении, Грузии и Азербайджане), к 2004 г., к моменту отставки В. Ардзинбы (который удержался у власти дольше других гуманитариев, пришедших к власти на волне десоветизации — Абульфаз Эльчибей отстранен от власти в 1993 г., Звиад Гамсахурдиа — в 1992 г., Левон Тер-Петросян ушел в отставку в 1998 г.), фактически представлявшей собой несостоявшееся государство. В этом контексте, вероятно, именно первое поколение постсоветских политиков-гуманитариев частично ответственно за дискредитацию гуманитарного знания и рост антигуманитарных тенденций в постсоветских обществах.

Последствия прихода гуманитарных интеллектуалов в политику в ранний постсоветский период имели самые негативные последствия, в первую очередь, для самих интеллектуальных сообществ. С одной стороны, общим местом в литературе стали утверждения о том, что волна этнического национализма в ранних постсоветских обществах подорвала веру в ценности свободы и принципы демократии[1]. Вероятно, определенная доля ответственности за негативный образ либерализма и его фактически маргинальный статус в некоторых постсоветских государствах лежит и на первых политиках, которые пришли к власти после краха СССР, пытаясь формально синтезировать идеи понятного для них этнического национализма сообществ, к которым они принадлежали, и либерализма как заимствованного политического идеала. С другой стороны, итальянский историк и писатель Умберто Эко, комментируя роль интеллектуалов, полагал, что «интеллектуалы не имеют никакого влияния! Они делятся на небольшие группы, живущие в роскошных гетто университетских городков. Вы никогда не найдете комментариев профессоров на страницах крупных газет. И когда они уходят в политику, они полностью отказываются от своих академических занятий»[2]. Политизация интеллектуалов, действительно, в значительной степени содействовала кризису профессиональной и корпоративной замкнутости и ортодоксии, что существенно изменило как роли, так и место интеллектуала в современном обществе, где производство смыслов пало жертвой десакрализации, превратившись в сферу оказания смыслообразующих услуг, что вытекало из коммерциализации высшего образования в постсоветских обществах.

По мнению ряда экспертов, в Грузии «ни советские, ни современные постсоветские интеллектуалы, за редким исключением, не были не только суверенами, но даже не пытались отделить политическую власть от институтов и не выражали их интересы. Они не пытались создать свои собственные интеллектуальные среды или пространства, что позволило бы им хотя бы сопротивляться катастрофической деградации общественного сознания»[3]. Истоки этой ситуации, вероятно, следует искать в радикальной политической активизации первого поколения постсоветских интеллектуалов, которые, побывав у власти, стремились ее монополизировать, что привело к политическому кризису и дискредитации самих гуманитарных интеллектуалов, которые смогли получить власть.

Некоторые эксперты в связи с этим подчеркивают, что «“технари” с мировыми именами публично выражают непонимание, зачем нам нужно тратить государственные деньги на изучение хеттских местоимений или древнегреческих глаголов»[4]. В связи с этим А. Чубарьян вынужден констатировать

[1] ლიოსა მ.ვ. პოლიტიკური კორექტულობა თავისუფლების მტერია // არილი. 2018 წლის 5 აგვისტო. URL.: http://arilimag.ge/mario-vargas-liosa-p'oli/ (Льоса М. В. Политкорректность — враг свободы // Ариэль. 2018ю 5 авг. URL: http://arilimag.ge/mario-vargas-liosa-p'ol. На груз. языке).

[2] პოპულიზმი, მასმედია, კულტურა და ინტელექტუალები. ინტერვიუ უმბერტო ეკოსთან // არილი. 2009 წლის 11 აპრილი. URL: http://arilimag.ge/umbert'o-ek'o-p'op'ulizmi-ma/ (Популизм, СМИ, культура и интеллигенция. Интервью с Умберто Эко // Ариэль. 2009. 11 апр. URL.: http://arilimag.ge/umbert'o-ek'o-p'op'ulizmi-ma. На груз. языке).

[3] მაისურაძე გ. ინტელექტუალები და ძალაუფლება // რადიო თავისუფლება. 2012. ივლისი 23. URL.: https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-maisuradze-intelectuals/24654268.html (Майсурадзе Г. Интеллигенция и власть // Радио Свобода. 2012. 23 июля. URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-maisuradze-intelectuals/24654268.html. На груз. языке).

[4] Новоселова Е. Древний грек в отставке...

тенденции к «упрощению человеческой личности, о примитивизации ее потребностей. Наша повседневная жизнь становится однообразней и скучней. Ведь гуманитарное знание (пресловутые мертвые языки, археологические изыскания, разбор клинописных текстов и т. д.) развивает интеллект, разум. Если главным в жизни становится потребление, то, понятно, хеттский язык тут не пригодится. Понижение качественного уровня человека — тенденция, общая для всего мира»[1].

В подобной ситуации интеллектуальный дискурс в Грузии, по словам Ирины Беридзе, «можно рассматривать как гибрид»[2], а гуманитарные интеллектуалы в изучаемых регионах оказались заложниками сложившегося положения, будучи загнанными в культурные резервации, включая интеллектуальные журналы: в Грузии такими оказались «არილი» («Ариэль») и «აფრა» («Апра»)[3] или «რადიო თავისუფლება» («Радио Свобода»), которое нельзя определить как только и исключительно гуманитарный проект, хотя это радио стало каналом визуализации культурных активностей интеллектуалов. Если армянские и азербайджанские интеллектуалы также имеют свои собственные пространства, которые стали почти невидимы друг для друга, то существование абхазского (равно как и южноосетинского) гуманитарного интеллектуального пространства представляется весьма спорным в силу значительной интеграции в российское. Вероятно, определенная ответственность за это лежит и на гуманитариях-интеллектуалах, которые стали основой первого поколения политических элит постсоветских обществ. Спровоцированный ими рост национализма существенно содействовал дискредитации гуманитарных интеллектуалов, что привело к формированию не совсем верного их образа как политиков, склонных скорее к мобилизации ресурсов этничности, чем к решению реальных социальных и экономических проблем.

Интеллектуалы: между ответственностью и предательством (трансплантируя теорию в кавказские контексты)

Выше автор сформулировал основные положения проблем роли и места интеллектуалов в обществе, предложенные П. Бараном и Э. Саидом, которые, вероятно, могут быть спроецированы на опыт интеллектуалов раннего постсоветского Закавказья.

Постсоветский приход интеллектуалов в политику стал, с одной стороны, формой отложенной политизации, которая сдерживалась в советский период. С другой стороны, политизация не привела к формированию позитивного опыта, стимулируя появление травмированной памяти об ограниченном опыте пребывания гуманитариев у власти. Поэтому современные закавказские гуманитарные интеллектуальные сообщества являются носителями взаимоисключающих версий, травмированных культурных и исторических памятей, что чревато многочисленными «проработками прошлого» в форме относительно мирной исторической политики или актуализации языка вражды при неизбежных конструированиях образов Другого в честности и концептов инаковости в целом. В этой ситуации постсоветские поколения интеллектуалов вынуждены выбирать между социальной и культурной амнезией или не менее болезненными политически и идеологически мотивированными «вспоминаниями».

Действительно, если советские интеллектуалы обслуживали систему, то они же в ранний постсоветский период потерпели крах в своих попытках создать новую, уступив первенство старым партийным элитам, хотя интеллектуалы сохранили свою видимость и значимость в постсоветских обществах, несмотря на то что сферы их влияния в значительной степени сократились, фактически совпав с границами их же корпоративного сообщества. Поэтому бывшие советские интеллигенты, став постсоветскими интеллектуалами, были вынуждены встраиваться в эту систему, обслуживая ее идеологические запросы и легитимируя

[1] Новоселова Е. Древний грек в отставке...

2 ზერიძე ი. ინტელექტუალური დისკურსი საქართველოში // რადიო თავისუფლება. 2015. ივნისი 10. URL.: https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-irine-beridze-intelektualuri-diskursi/27064305.html (Беридзе И. Интеллектуальный дискурс в Грузии // Радио Свобода. 2015. 10 июня. URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-irine-beridze-intelektualuri-diskursi/27064305.html. На груз. языке).

3 რატომ აღარ გამოდის ჟურნალი "არილი"? // არტინფო. 2019. 12 მარტი. URL.: https://artinfo.ge/2019/03/ratom-aghar-gamodis-zhurnali-arili/ (Почему журнал «Ариэль» больше не выходит? // ArtInfo. 2019. 12 марта. URL: https://artinfo.ge/2019/03/ratom-aghar-gamodis-zhurnali-arili. На груз. языке); ქევანიშვილი ე. "არილი" დაბრუნდა // რადიო თავისუფლება. 2013. ნოემბერი 08. URL.: https://www.radiotavisupleba.ge/a/arili-dabrunda/25161958.html (Каванишвили Э. «Ариэль» возвращается // Радио Свобода. 2013. 8 нояб. URL: https://www.radiotavisupleba.ge/a/arili-dabrunda/25161958.html. На груз. языке).

сам факт ее существования. На смену политической критике приходит моральное осуждение, которое политическими элитами фактически игнорируется. Постсоветские интеллектуалы рефлексируют не меньше своих советских предшественников, хотя роль и значение подобных рефлексий минимальны и игнорируются новыми поколениями политических элит, путь к власти для которых фактически начали прокладывать бывшие советские интеллигенты-гуманитарии, получившие власть в начале 1990-х гг.

Выводы

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Политизация интеллектуалов в ранних транзитных обществах стала фактически неизбежным следствием идеологизации интеллектуальных сообществ в советский период. Советский режим институционализировал зависимость национальных интеллигенций от политического режима, превратив их в часть аппарата легитимации коммунистической идеологии. На протяжении советского периода возникла взаимозависимость между интеллигентами и властью: первые были вынужден ее обслуживать и декларировать ее легитимность, в то время как власть гарантировала определенные социальные лифты для советской интеллигенции. Советская интеллигенция была социальным и политическим конструктом, которая отличалась также и национальной гетерогенностью. В обмен на признание легитимности коммунизма и воспроизводство коммунистического идеологического и политического дискурса национальные интеллигенции имели ограниченные возможности для проявления, актуализации и развития собственных национальных идентичностей, но это вовсе не означает, что советский режим был последователен в своих попытках актуализации национальной — этнической и языковой — гетерогенности.

Распад СССР в 1991 г. радикально изменил положение интеллигенции в постсоветских обществах, положив начало ее трансформации в направлении национальных интеллектуальных сообществ. Кроме этого, распад Советского Союза актуализировал два состоянии интеллектуальных сообществ: «ответственность» и «предательство» интеллектуалов. Ответственность перед политическим режимом не исчезла, несколько изменившись в новых условиях. Начало демократического транзита положило конец идеологической монополии коммунистической доктрины, но это вовсе не означало полного освобождения интеллигенции от зависимости от государства, которая лишь изменилась, обретя иные, преимущественно экономические и социальные, проявления. В этой ситуации, вероятно, ответственность интеллектуалов перед властью фактически оказалась той частью советского наследия, которую интеллектуальные сообщества так и не смогли преодолеть.

После 1991 г. интеллектуалы осознали еще один уровень ответственности — ответственность перед нацией как сообществом, к которому они принадлежали, что активизировалось как ростом национализма в постсоветских республиках, так и значительным обострением этнических, языковых и религиозных противоречий между некогда социалистическими нациями СССР, которые предпочли осознать себя этническими нациями национализирующихся государств. Вероятно, именно то, что интеллектуалы, которые стали политиками, предпочли использовать язык национализма, предопределило их крах как политиков. Поэтому судьба первого поколения постсоветских интеллектуалов, которые предпочли на волне десоветизации и роста национализма стать политиками, была не очень удачной и счастливой: пребывание их у власти было ознаменовано острыми политическими и этническими конфликтами, которые в некоторых регионах привели к военным действиям.

«Предательство» интеллектуалов актуализировало новые формы их ответственности, но нежелание эту ответственность нести превратило политизированные сегменты постсоветских интеллектуальных сообществ в группы, которые в зависимости от политической конъюнктуры радикально меняли свои политические и идеологические предпочтения. «Предательство» интеллектуалов перестало быть культурным грехом, став формой социальной и экономической адаптации. Завершение активной фазы десоветизации совпало с прогрессом общества потребления и массовой культуры, что также изменило роли и статусы интеллектуальных сообществ в направлении их социальной маргинализации, так как принадлежность к интеллектуальному классу перестала быть аттрактивной. К концу второго десятилетия XXI в. более слышимыми становятся голоса тех скептиков, которые указывают на то, что «золотой век» интеллектуальных активностей национальных интеллигенций совпал с периодом авторитаризма, что, впрочем, еще раз подчеркивает важность

ответственности интеллектуалов как групп, формирующих национальные идентичности, наделяя их соответствующими изобретенными традициями и версиями культурной и исторической памяти.

1. Abrams B. The Struggle for the Soul of the Nation: Czech Culture and the Rise of Communism. New York : Rowman & Littlefield Publishers, 2005. 376 p.

2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London : Verso, 1983. 256 p.

3. Baran P.A. The Commitment of the Intellectual // Monthly Review. An independent socialist magazine. 1961. Vol. 13, no. 1.

4. Bejan C. Intellectuals and Fascism in Interwar Romania: the Criterion Association. London : Palgrave Macmillan, 2019. 323 p.

5. Black Intellectual Thought in Modern America: a Historical Perspective / eds. B. D. Behnken, G. D. Smithers, S. Wendt. University Press of Mississippi, 2019. 252 p.

6. Caute D. The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism. Yale : Yale University Press, 1988. 420 p.

7. Chkhartishvili M. Georgian Identity: Stages of Development // Georgian Identity and Culture. Tbilisi : Universal, 2009. P. 41—65.

8. Chkhartishvili M. Georgian Nationalism and the Idea of Georgian Nation // Codrul Cosminului. 2013. Vol. 19, no. 2. P. 189—206.

9. Fletcher W. Search for a New Order: Intellectuals and Fascism in Prewar Japan. University of North Carolina Press, 2011. 240 p.

10. Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power / eds. T. K. Blauvelt, J. Smith. London : Routledge, 2015. 212 p.

11. Hamilton A. The appeal of fascism: a study of intellectuals and fascism, 1919—1945. New York : Blond, 1971. 312 p.

12. Israel J. A Revolution of the Mind: Radical Enlightenment and the Intellectual Origins of Modern Democracy. Princeton : Princeton University Press, 2011. 296 p.

13. Kirchanov M. Instrumentalization and imagination of ethnicity: Kartvelism as an invented tradition // Central Asia and the Caucasus. 2017. Vol. 18, no. 3. P. 25—34.

14. Kirchanov M. Karvelism as a development paradigm of Georgian ethnic nationalism // Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies. 2015. Vol. 16, no. 1. P. 102—113.

15. Kirchanov M. The main development vectors of Georgian nationalism in the context of political instability: between the Traditions of the Political Nation and the Challenges of Radicalization / M. Kirchanov // Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies. 2010. Vol. 11, no. 3. P. 126—137.

16. Manning P. Strangers in a Strange Land: Occidentalist Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries. Princeton : Academic Studies Press, 2019. 345 p.

17. Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus / eds. A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde. London : Routledge, 2014. 295 p.

18. Said E.W. Representations of the Intellectual: The 1993 Reith lectures. New York : Pantheon Books, 1994. 144 p.

19. Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. Indianapolis : Indiana University Press, 1994. 412 p.

20. The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 330 p.

References

1. Abrams B. (2005). The Struggle for the Soul of the Nation: Czech Culture and the Rise of Communism. New York, Rowman & Littlefield Publishers, 376 p. [in Eng].

2. Anderson B. (1983). *I*magined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, Verso, 256 p. [in Eng].

3. Baran P. (1961). *Monthly Review. An independent socialist magazine*, 1961, no. 13 (1). [in Eng].

4. Bejan C. (2019). Intellectuals and Fascism in Interwar Romania: the Criterion Association. London, Palgrave Macmillan, 323 p. [in Eng].

5. Behnken B.D., Smithers G.D., Wendt S. (2019), eds. Black Intellectual Thought in Modern America: a Historical Perspective. University Press of Mississippi, 252 p. [in Eng].

6. Caute D. (1988). The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism. Yale, Yale University Press, 420 p. [in Eng].

7. Chkhartishvili M. (2009). Georgian Identity: Stages of Development // Georgian Identity and Culture. Tbilisi, Universal, pp. 41—65. [in Eng].

8. Chkhartishvili M. (2013). *Codrul Cosminului*, no. 19 (2), pp. 189—206. [in Eng].

9. Fletcher W. (2011). Search for a New Order: Intellectuals and Fascism in Prewar Japan. University of North Carolina Press, 240 p. [in Eng].

10. Blauvelt T.K., Smith J. (2015), eds. Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power. London, Routledge, 2015. 212 p. [in Eng].

11. Hamilton A. (1971). The appeal of fascism: a study of intellectuals and fascism, 1919-1945. New York, Blond, 312 p. [in Eng].

12. Israel J. (2011). A Revolution of the Mind: Radical Enlightenment and the Intellectual Origins of Modern Democracy. Princeton, Princeton University Press, 296 p. [in Eng].

13. Kirchanov M. (2017). *Central Asia and the Caucasu, no.* 18 (3), pp. 25—34. [in Eng].

14. Kirchanov M. (2015). *Central Asia and Caucasus*, no. 16 (1), pp. 102—113. [in Eng].

15. Kirchanov M. (2010). *Central Asia and Caucasus*, no. 11 (3), pp. 126—137. [in Eng].

16. Manning P. (2019). Strangers in a Strange Land: Occidentalist Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries. New York, Academic Studies Press, 345 p. [in Eng].

17. Agadjanian A., Jödicke A, Zweerde E. van der (2014), eds. Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus. London, Routledge, 295 p. [in Eng].

18. Said E.W. (1994). Representations of the Intellectual: the 1993 Reith lectures. New York, Pantheon Books, 144 p. [in Eng].

19. Suny R.G. (1994). The Making of the Georgian Nation. Indianapolis, Indiana University Press, 412 p. [in Eng].

20. Hobsbawm E., Ranger T. (1983), eds. The Invention of Tradition. Cambridge, Cambridge University Press, 330 p. [in Eng].

For citing: Kirchanov M.V. Politization of intellectuals in early post-Soviet societies (Georgian-Caucasian parallels) // Socium i vlast'. 2020. № 1 (81). C. 19—29. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-19-29.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-19-29

UDC 323.396 + 329.17

POLITIZATION OF INTELLECTUALS IN EARLY POST-SOVIET SOCIETIES (GEORGIAN-CAUCASIAN PARALLELS)

Maksim V. Kirchanov,
Voronezh State University,
Faculty of International Relations,
Associate Professor of the Department Chair of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Doctor of History
The Russian Federation, 394018,
Voronezh, Universitetskaya Ploshchad, 1.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

Introduction. The author analyses the phenomenon of politicization of intellectuals in the early post-Soviet societies of Georgia, Armenia, Abkhazia and Azerbaijan. It is assumed that during the Soviet period, humanitarians served the political regime, legitimating it ideologically and culturally.
The aim of the study. The collapse of the USSR led to the liberalization of society, inspiring the politicization of intellectual communities. The author's aim is to analyze two levels of politicization of intellectuals, including "responsibility" and "betrayal".

Methods. Methodologically, the article is based on the principles of intellectual communities' studies proposed by Paul Baran and Edward Said, whose ideas can be transplanted into the contexts of the early post-Soviet history of the Caucasus.
Scientific novelty of the study. A new interpretation of the role of intellectuals, based on the analysis of original sources in Georgian, is proposed in the article.
Results. It is presumed that 1) the leaders of Armenia and Abkhazia during the Soviet period were loyal intellectuals who made an academic career; 2) the future leaders of Azerbaijan and Georgia were also university intellectuals, but with political ambitions; 3) ruling intellectuals could not become effective managers, preferring to use the language of nationalism; 4) the history of the early post-Soviet elites actualizes the problems of responsibility and betrayal of intellectuals, because their rule coincided chronologically with the political and economic crisis, as well as ethnic conflicts.
Conclusions. The politicization of intellectual communities has led to negative results, assisting to the marginalization of humanitarian intellectuals in modern consumer societies.

Key concepts:
intellectuals,
intellectual communities,
Transcaucasia,
elites,
nationalism,
betrayal of intellectuals,
responsibility of intellectuals,
ruling intellectuals.